

ЭНРИКЕ
ГОНСАЛЕС МАРТИНЕС

Лирика

Перевод с испанского и вступление
О. САВИЧА

Мексиканский поэт Энрике Гонсалес Мартинес прожил восемьдесят с лишним лет (1871—1952). При жизни он печатался более полувека. Врач по образованию, он практиковал почти два десятилетия, а потом стал профессором испанского языка и литературы, был избран в академики по разряду изящной словесности. Кроме того, как и многие другие латиноамериканские писатели, он долгое время представлял свою страну на дипломатических постах — вознаграждение за талант, который кормить не может.

Он был свидетелем мексиканской революции. Именно свидетелем: он не только не принял в ней участия, но и не сумел понять людей, которые ее делали. Крестьянская революция — восстание неграмотных — испугала его. Понадобились многие годы — войны, вести об Октябрьской революции в России, наступление реакции в Мексике, схватка народов с фашизмом, антиимпериалистическое движение масс Латинской Америки, — чтобы поэт переосмыслил свое отношение к прошлому и, с большой искренностью и большой горечью, признал, что ошибался. Впоследствии мексиканская критика с полным правом назвала его, поэта-гуманиста, «поэтом нашего времени». Его имя появилось под призывами к борьбе против войны. Он возглавил Мексиканский комитет сторонников мира, он председательствовал на Американском континентальном конгрессе в защиту мира. Он стал другом нашей страны.

Одно стихотворение сделало Гонсалеса Мартинеса знаменитым еще в молодости: сонет, в котором он предлагал «свернуть шею лебедю». Это был протест против латиноамериканского модернизма, против его признанного вождя — Рубена Дарио, против условных лебедей, принцесс и замков, которых в то время воспевали Дарио и его ученики, подражая французским символистам XIX века. Правда, «свернув шею лебедю», Гонсалес Мартинес в том же сонете посадил на освободившийся поэтический трон сову. Замена оказалась не столь уж революционной. Нынешнему поколению трудно провести четкую грань между Дарио и его ниспровергателем. Вероятно, это действие времени, подчеркивающего подлинное достоинства художественного произведения. Зато наши современники в Латинской Америке теперь убеждены, что и Рубен Дарио и Гонсалес Мартинес были большими поэтами, и это, конечно, гораздо важнее, чем былые споры школ и направлений.

А Эрике Гонсалес Мартинес был действительно большим поэтом. Быть может, чересчур самоуглубленным (но надо помнить о среде, из которой он вышел, о влиянии, которое он испытал, о времени, в которое он жил), быть может, чересчур «вечным», «классическим», но всегда искренним, глубоко лирическим и глубоко чувствующим. В его стихах часты обращения к жизни, с которой он хотел бы слиться, он даже просил у жизни, чтобы она сама формировала его, как ваятель. Но слияния не произошло, и отсюда печаль поэта. И опять-таки надо вспомнить об эпохе, в которую он жил, о стране, которая была ему родиной, — она остается мачехой для тех, кого он понял, только приближаясь к могиле. Сегодняшние пасынки и завтрашние хозяева Латинской Америки называют его своим поэтом, а в этом — залог его бессмертия.

Обновление

Я жизни говорю: точнее, чем камео,
мне душу очерти резцом без состраданья.
Способны воплотить одни твои созданья
и в бронзе замысел, и в мраморе идею.

И поддержи мой дух, когда в борьбе слабею,
и направленье дай, когда не хватит знанья;
границы, шлифуй углы, измерь и строй, как зданье,
веди без усталости меня рукой своею.

Хочу сознательной твоею вспышкой быть,
свое очистишь «я», ту пропасть углубишь,
что новый горизонт со старым разлучает.

Как золотой сосуд, отполируй меня:
свой гул на каждый стук рождает он, звеня,
и солнцу отблеском он солнце возвращает.

Поэты новых дней

Поэты новых дней споют легко и строго
божественную песнь, неведомую нам;
созвездья новые, полны иной тревогой,
дадут иной удел их беспокойным снам.

Поэты новых дней пойдут своей дорогой,
шагая по большим невиданным лугам;
услышав нашу песнь, сочтут ее убогой,
на ветер выкинут наш сон, как старый хлам.

Но будет это все напрасно и случайно;
в душе останутся и страх, и та же тайна,
и прежняя тоска, и злая тишина.

Они увидят: мрак грозит извечно миру,
из праха подберут заброшенную лиру,
и тот же стих — наш стих — подскажет им она.

Как брат с сестрою

Идем ночной порою
рука в руке с тобой, как брат с сестрою...

Спокоен луг под ясною луною,
сияющей спокойной белизною;
ночной пейзаж рождает изумленье
и — подлинный — похож на сновиденье.
За поворотом, где туман клубится,
мы слышим пенье вдруг... Как трели птицы,
услышанной впервые,
как песнь, в которой мир и жизнь — иные...
Лицо ко мне склоняя, ты не дышишь
и спрашиваешь тихо: слышишь? слышишь?
Ночная тишь смыкает миру веки,
лишь сердце бьется громко и все шире.
Я говорю тебе: есть песни в мире,
а кто поет их, не узнать вовеки...

Идем ночной порою
рука в руке с тобой, как брат с сестрою...

Одним дыханьем ветер пруд целует
и воду задремавшую волнует...
Звезда купается в волне усталой,
и лебедь выгибает шею смело,
она как будто белой
змею из яйца большого встала...
Ты слушаешь шуршанье в очерете,
и вдруг, как бабочка в немом полете,
какой-то нежный вздох тебя шекочет,
настичь тебя волной желанья хочет,
бросает в жар и холод, в дрожь такую,
как будто это я тебя целую...
Как в этот миг в испуге ты тоскуешь
и шепчешь: это ты меня целуешь?..
Ликует иль горюет
твоя душа, ты спрашиваешь всуе:
ты не узнаешь, кто тебя целует...
И это, может быть, не поцелуй...

Идем ночной порою
рука в руке с тобой, как брат с сестрою...

Как будто бредя, силы ты теряешь,
и голову на грудь ко мне склоняешь,
и чувствуешь: слеза на лоб упала
и катится устало...
Своей тревоги больше ты не прячешь

и спрашиваешь ласково: ты плачешь?
Ты можешь смело глаз моих коснуться —
не плачу я, не покраснели веки...
Но по ночам так часто слезы льются,
а кто их льет, нам не узнать вовеки...

Идем ночной порою
рука в руке с тобой, как брат с сестрою...

Священный ветер

Над волей, впавшей в старость,
над безразличием, забывшим ярость,
священный ветер поднимает парус.

Он дышит чудесами,
он плещет в небе сильными крылами,
он говорит о мужестве с сердцами.

Встает со дна морского,
и буйный свист, как тайный знак, как слово,
летит среди молчания людского.

Как предзнаменованье,
он разрезает мрак существованья
лучом иного дня и упованья.

По небу он гуляет
и на любовь дохнет — костер пылает,
на жизнь — и правда сердце опалает.

Он как зари свеченье
в ночи земного зла, он облегченье
дает тому, чья жизнь — одно мученье.

Все, что переборолось,
он будит вдруг; тревожит чей-то голос
все чувства, будто небо расколосось.

От пропасти паденья
до высшей точки взлета и рожденья
он пронесет порыв освобожденья.

Тогда в груди строптивой
родится страх, в груди благочестивой
родится гимн счастливый и нелъстивый.

Надежду, как пирогу,
он по порогам проведет, дорогу
укажет сыну к отчему порогу.

На грудь тебе он кинет
невянувший цветок пахучий, синий;
цветок с тобой — нет боли и в помине.

Пусть люди без изъятья
простят друг друга, заключат в объятья,
и брат узнает: в мире есть лишь братья.

Не отдохнет на месте,
пока в едином и великом жесте
земля и небо не сольются вместе;

а человек не разгадает птицу
и не научит доброте волчицу;

и не отыщет слова,
чтоб язвы Лазаря закрылись снова;

и не научится отдать на деле
себя всем людям, как великой цели,
шипцы за розы принимать в постели.

Тогда, сердце охрана,
источник жизни брызнет невозбранно,
кровоточа любовью, словно рана.

Но горе! Смерть ломает
тех, кто в дороге уши зажимает,
кто слышит голос и не понимает!

Песня жизни

Я слышу песню за стеною —
жизнь говорит: «Иди сюда».
В саду пахнуло новою весною,
на пчельнике — звенящий гимн труда.

Жизнь говорит: «Душа вселенной
в лесу трепещет, рвется ввысь.
В природе бесконечной и нетленной
и в чудесах заката растворись».

Как гучка, реет, исчезает
пчелиный рой, весной дыша.
Жизнь говорит: «Пчела души не знает,
но в пчельнике звенящем есть душа».

Усталый муравей вползает
на холм, песчинки вороша.
Жизнь говорит: «И он души не знает,
но в муравьином доме есть душа».

Жизнь говорит: «В пучине тленной
исчезнет все, и канут в мрак
и люди, и предметы... Дух вселенной
над смертью зажигает свой маяк».

Я слышу песню за стеною —
жизнь говорит: «Иди сюда».
В саду пахло новой весной,
на пчельнике — звенящий гимн труда.

А я ей говорю: «Нетленной
природы мне близка душа.
Умею растворяться во вселенной
и в чудесах заката, не дыша».

Я знал, что капля я — и только —
в незримых струях родника;
и был я нотой в горле птицы, долькой
в мозаике большого цветника.

Но для других недостижимы
мои миры, и дышит в них
душа, и есть восторг неповторимый,
и цель своя, и боль, и этот стих».

